

УДК 33.338.2

М.В. Клинова*

**ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ РОССИИ:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

Аннотация. Рассматриваются взгляды французских исследователей на эволюцию экономики России на протяжении двух десятилетий XXI в. В анализируемых работах выделяются ключевые события этого процесса: кризис 2008–2009 гг., введение западных санкций в 2014 г., пандемия COVID-19 с последующим экономическим спадом в 2020 г. Делается вывод о продолжении наметившейся с начала 2000-х годов тенденции укрепления позиций государства в экономике, а во втором десятилетии XXI в. – еще и ускоренного развития оборонно-промышленного комплекса.

Ключевые слова: Россия; рентная экономика; государство; модернизация армии; «Стратегия 2020»; структурные проблемы; COVID-19.

**M.V. Klinova
Russian economy problems: french researchers view**

Abstract. The French researchers' views on the evolution of the Russian economy over two decades of the XXI century are considered. The analyzed works highlight significant events of this process: the crisis of 2008–2009, the introduction of Western sanctions in 2014, the COVID-19 pandemic, followed by an economic downturn in 2020. It is concluded that the trend of strengthening

* **Клинова Марина Вилениновна**, д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Klinova Marina, DSn (Econ. Sci.), leading researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

the state's role in the economy that has been outlined since the beginning of the 2000 s, and the accelerated development of the military-industrial complex in the second decade of the XXI century is continuing.

Keywords: Russia; rental economy; state; army modernization; Strategy 2020; structural problems; COVID-19.

Введение

К настоящему времени во Франции по сравнению с 1990-ми годами и началом 2000-х все меньше специалистов продолжают заниматься экономическими проблемами России. Ушло поколение известных французских исследователей, которые интересовались экономикой СССР, РФ и постсоветских стран, а равноценные им не появились. Исключение составляет Ж. Веркёй, ведущий во Франции специалист по советской, российской экономике, а также экономике постсоветских государств, ныне проректор по международным отношениям Национального института восточных языков и цивилизаций (Institut National des Langues et Civilisations Orientales, INALCO). Сократилось также число изданий, публикующих аналитику по России. Так, в 2008 г. закрыт журнал *Le Courrier des pays de l'Est*, с 1964 г. выпускавшийся государственным издательством *La Documentation française*, сужается круг публикуемых работ и имеющихся источников.

Анализу материалов франкоязычной литературы по российской проблематике посвящен ряд отечественных исследований¹. В данной работе рассмотрены взгляды современных французских аналитиков на российскую экономику, в частности роль в ней государства.

¹ См., в частности: Два президентских срока В.В. Путина: Динамика перемен / отв. ред. и сост. Н.Ю. Лапина. – М.: ИНИОН РАН, 2008. – С. 386–410; Клинова М.В. Французские эксперты о роли государства в российской экономике // Мировая экономика и международные отношения – 2008. – № 11. – С. 44–51; Лапина Н.Ю. Современная Россия в зеркале французской аналитики / Электронное пространство современной России. Политическая наука: Ежегодник. – М.: РАПН, 2009. – С. 359–379; Социально-экономическое и политическое развитие в России (взгляд из Европы) / под ред. В.П. Гутника и А.В. Авиловой. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 40–62; Клинова М.В. Россия на пути к цивилизованному рынку: взгляд из Франции // Экономика XXI века. – М., 2010. – № 2. – С. 109–121; Клинова М.В. Эволюция экономики России в оценках французских аналитиков // Международная экономика. – М., 2010. – № 4. – С. 5–13.

Роль государства в экономике

Французские исследователи зачастую характеризуют российскую экономику как рентную, с гипертрофированным удельным весом нефтегазового сектора, и отмечают усиление в ней с начала 2000-х годов роли государства.

Э. Брюна, вице-президент Университета Савойя Монблан, специализирующийся на международных, в том числе экономических отношениях, автор работ по России, проведенных в рамках научно-исследовательского Центра Фукидиде (Centre Thucydide) Университета Пантеон-Ассас (Париж II)¹, связывает столь важную роль государства в российской экономике с традиционными ценностями, характерными для «архаичного общества», где во главе иерархической структуры стоит государство, «отрезанное от гражданского общества» [Brunat, 2010, p. 158].

На протяжении первого десятилетия XXI в. влияние государства в экономике росло, отметил Ж. Веркёй в интервью Л. Шамонтену, представляющему французский геополитический журнал Diploweb [Vercueil, Chamontin, 2019]. Государство возвращало определенные сферы экономики под свой контроль выборочно, в основном в рентных (высокодоходных) и высокотехнологичных секторах.

Участие государства нарастало, прежде всего, в ключевых отраслях – энергетике, банковском секторе, оборонно-промышленном комплексе (ОПК). «Возвращение» государства происходило «в качестве регулятора и влиятельного игрока... особенно в энергетическом секторе». Ж. Веркёй в статье «Россия: “Стратегия 2020” под вопросом» выделяет ряд этапов в этом процессе. Сначала государство вернуло контроль над «Газпромом»; после решения суда активы частной компании ЮКОС перешли государственной «Роснефти»; затем были пересмотрены соглашения о разделе продукции, заключенные в предшествующее десятилетие [Vercueil, 2013, p. 170].

Усиление влияния государства наблюдалось и в банковской сфере. Несмотря на неоднократные заявления о намерении сократить там долю государства, она осталась преобладающей, в том

¹ В числе самых знаменитых выпускников Université Panthéon-Assas (Paris II) – президент Ф. Олланд, ряд министров и премьер-министров, партийных лидеров Франции.

числе в крупнейших банках с участием государства¹. В результате серии реструктуризаций банковского сектора после кризиса 2008–2009 гг. «государство еще более увеличило свое присутствие» [Vercueil, 2013, p. 185]. При этом государство через инвестиции и субсидии поддерживает ряд предприятий, а через перераспределение доходов с помощью госбюджета – домашние хозяйства. Доля доходов хозяйств, связанных с господдержкой, колеблется от 45 до 60% [Vercueil, Chamontin, 2019, p. 2]. В неблагоприятной демографической ситуации растет число пенсионеров, получающих доходы напрямую от государства.

За 2002–2008 гг., по данным официальной статистики, которые приводит Ж. Веркёй в изданной в 2019 г. книге «Политическая экономика России (1918–2018)» (в самом названии автор указывает на тесную связь экономики и политики. – *M. K.*), доля предприятий с участием государства в капитале свыше 50% выросла с около 5 до 50% [Vercueil, 2019, p. 201]. Проводимая промышленная политика, подчеркивает он, не означала ренационализацию. Напротив, приводимые им данные показывают, что в 1999–2007 гг., предшествующие глобальному финансово-экономическому кризису 2008–2009 гг. (Великой рецессии), доля занятости в частном секторе выросла с 40 до 60%, а доля частного сектора во вложениях в основной капитал удвоилась, приблизившись в конце периода к 70% [Vercueil, 2013, p. 171].

Влияние государства особенно усилилось после принятия в 2008 г. закона о стратегических предприятиях², по которому иностранным инвесторам предписывалось получать разрешение от правительства РФ на приобретение долей в капитале компаний 42 отраслей, признанных стратегическими. По отдельным федеральным законам в первом десятилетии XXI в. создавались госкорпорации – особая организационно-правовая форма и вид хозяйственной деятельности со специальным статусом. Чаще всего это происходило в отраслях авиа-, судостроения, ОПК, финансового сектора путем объединения госпредприятий – в целях создания

¹ По состоянию на август 2020 г. (по активам) 4 из 5 топ банков – Сбербанк, ВТБ, «Газпромбанк», «Россельхозбанк».

² Имеется в виду Федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства».

«национальных чемпионов» для концентрации ресурсов и реализации государственной стратегии промышленного развития.

Проводимую государством с начала 2000-х годов политику Ж. Веркёй называет «реиндустрIALIZацией» [Vercueil, 2013, p. 192]. В итоге после падения экономики в 1990–1998 гг. ВВП России в 2005 г. восстановился на уровне 1990 г. [Bret, 2019, p. 4].

Экономическая динамика

С 2008 г., после «блестящего» десятилетия, как его оценил Ж. Веркёй, когда РФ из «маргинальной экономики» превратилась в страну с развивающейся экономикой (а по размерам ВВП вошла в 10 ведущих стран мира), развитие пошло вразрез с оптимистичной траекторией, намеченной в 2007 г. в «Стратегии 2020» на 2010–2020 гг. Ж. Веркёй назвал период после кризиса 2008–2009 гг. «потерянным десятилетием» [Vercueil, 2019, p. 153, 230]. Французский геополитолог С. Бре¹, со своей стороны, подобным образом охарактеризовал все начало XXI в. [Bret, 2019, p. 6].

После Великой рецессии темпы прироста ВВП вместо намеченных 6–7% составили 4,5% в 2010 г. с тенденцией дальнейшего замедления: 4% в 2011 г., 2,5 в 2012 г., 1,3% – в 2013 г. В начале 2014 г. разрыв между положением 2009 г. и наиболее амбициозными параметрами инновационного сценария «Стратегии 2020» достиг 25 пунктов ВВП, а перспективы роста оказались недостаточными для достижения заявленных целей, даже при последующей их корректировке в сторону снижения [Vercueil, 2014, p. 4, 6].

Последствия кризиса, подчеркивает Ж. Веркёй, оказались «глубокими и продолжительными». Чрезмерная зависимость госбюджета от мировых цен на энергоносители (около 40% доходов государства приходятся на поступления от энергетики и привязаны к неконтролируемой государством переменной) привела к тому, что российские власти оказались ограничены в управлении бюджетом краткосрочной логикой, в то время как наиболее серьезные проблемы экономики, в частности низкая конкурентоспособность промышленности, связаны с ее структурой [Vercueil, 2013, p. 173, 184].

¹ Выпускник Национальной школы администрации (École nationale d'administration, ENA), Высшей нормальной школы (École normale supérieure, ENS), преподаватель Парижского института политических исследований (Institut d'études politiques de Paris, Sciences Po).

Наличие в экономике структурных проблем, замедление роста, стагнацию в 2014 г. в 0,6% (наметившиеся еще до введения в 2014 г. Евросоюзом и США экономических санкций против РФ в связи с событиями на Украине), отмечает не только Ж. Веркёй. «Эйфория 2000-х годов позволила России войти в состав БРИКС за рубежом и укрепила власть Путина внутри страны. Но она не привела к структурным реформам до сих пор», – подчеркивает С. Бре [Bret, 2019, р. 4].

Проблемы были усугублены западными санкциями, хотя сомнения иностранных инвесторов в отношении долгосрочных вложений в Россию, в том числе в модернизацию ее экономики, наблюдались и до 2014 г. Борьба с экономическим спадом «поглотила ресурсы, изначально предназначенные для модернизации» [Vercueil, 2013, р. 174]. Курс на «импортозамещение», при котором преимущество при госзакупках получают отечественные производители, привел к значительному росту затрат, не сделал российскую продукцию более конкурентоспособной.

Ж. Веркёй говорит и об усилении из-за западных санкций позиций Китая в экономических связях России – в энергетике, гражданском авиастроении и др. Сотрудничество с Китаем имеет свою специфику: Россия вынуждена соглашаться на «условия, в большой мере диктуемые Китаем», поскольку «соотношение экономических и технологических сил явно в его пользу» [Vercueil, Chamontin, 2019, р. 5, 6]. Об опасности расширения влияния в Европе китайского националистического «неокапитализма» пишут также французские исследователи Ф. Годеман и А. Васселье в книге «Китай у ворот» [Godement, Vasselier, 2018, р. 8–9].

С. Бре характеризует 2018-й как год выхода страны из длившегося с 2013 г. спада (инфляция стабилизировалась на уровне 10%, норма безработицы сравнительно низка – 5%, темп прироста ВВП составил 1,5–2%). При этом преодолеть «депрессивное влияние» западных санкций на российскую экономику не удалось [Bret, 2019, р. 2, 5, 6]. С такой оценкой сложно спорить. В 2019 г., согласно оценкам экспертов банка Société générale, продолжился «скромный» (1,3%) рост российской экономики. Промышленная активность замедлилась, что связывают с ослаблением внешнего спроса, снижением добычи нефти (в соответствии с квотами, принятыми ОПЕК и странами – экспортерами нефти), с повышением, частично из-за санкций, затрат на кредитование. При этом французские эксперты оценивают макроэкономическую политику России в целом как «благоразумную», направленную на обеспечение

финансовой стабильности и контроля над инфляцией. Последняя составила в 2018 г. 2,9%; увеличилась в 2019 г. до 4,5%, отражая повышение в 2019 г. НДС (с 18 до 20%. – *M. K.*). Госдолг, хотя и вырос в 2019 г., остался небольшим: 16,5% ВВП [Risque pays..., 2020].

Ж. Веркёй определяет сложившийся в России экономический режим как «накопительный», или «экстравертно-рентный»: поступления валюты связаны с преобладанием в торговом балансе экспорта энергоносителей, до половины налоговых доходов бюджета приходятся на нефтегазовую ренту. От этого, как и от мировых цен на нефть и газ, напрямую зависят состояние госфинансов, устойчивость системы, ее политическая и медийная сила.

Вместо привычного термина «голландская болезнь» Ж. Веркёй предпочитает употреблять более жесткий термин «российский синдром». Под ним он подразумевает, в частности, владение государством значительной долей углеводородной ренты, концентрацию власти в руках группы, которая осуществляет ее перераспределение. Изъяны в правовой сфере, слабость политической оппозиции, высокий уровень коррупции и весьма относительную независимость судебной системы Ж. Веркёй считает «институциональными феноменами», составляющими специфику «российского синдрома». Предложенное экономистом определение шире термина «голландская болезнь», хотя и имеет схожие с ним последствия (слабость «продуктивности» конкурентных отраслей, их инновационной активности) [Vercueil, Chamontin, 2019, p. 3–4].

Французские эксперты из Société générale считают нынешнее состояние экономики риском для страны. Возобновление в 2017 г. небольшого роста (после спада 2015–2016 гг., связанного с массивным оттоком капиталов, ослаблением рубля, снижением цен на нефть, введением западных санкций) эксперты связывают преимущественно с добычей сырья и частным потреблением. Скромность ожиданий реального прироста ВВП около 2% в год объясняется сохраняющимися структурными проблемами, недостатком инвестиций, неблагоприятными демографическими перспективами [Risque pays..., 2020].

Развитие ОПК

Тенденция укрепления позиций государства в экономике в минувшее десятилетие продолжилась и приобрела свою специфику, связанную с усилением роли ОПК. Несмотря на неблагоприятный экономический фон, в 2010 г. Д. Медведев, тогда президент

России, запустил рассчитанную на 10 лет государственную программу модернизации вооруженных сил (ВС), продолженную и усиленную президентом В. Путиным. По данным, которые приводят в статье «Новая гонка вооружений» Э. Брюна и известный специалист по российской экономике Ж. Фонтанель, за 2010–2015 гг. доля военных расходов в федеральном бюджете выросла с 16 до около 26% [Brunat, Fontanel, 2018, p. 320].

Аналитики отмечают смену стратегических приоритетов руководством России после введения в 2014 г. экономических санкций: признано реализуемым сочетать развитие экономики с наращиванием военного потенциала. Это не случайно. Процессы глобализации породили множество напряженностей и конфликтов в мире и не сопровождались улучшением политического климата. В этих условиях Россия, стремясь возродить влияние в международных отношениях, сделала, как и СССР, ставку на развитие военных отраслей. Во властных структурах укрепились позиции сторонников «усиления государственного контроля над экономикой», а попавшие под санкции предприятия были вынуждены обратиться к государству в поисках «альтернативных источников финансирования» [Vercueil, 2014, p. 15, 16].

Ухудшение ситуации в экономике и нефтяной кризис оказались и на военных планах России. В принятом на 2017–2019 гг. госбюджете произошло общее сокращение расходов, включая военные. В 2016 г. оборонный бюджет был секвестрирован примерно на 30% (41–43 млрд евро, или 3,1% ВВП), но все равно превысил уровень 2010 г. Одновременно приложены усилия для оптимизации военных расходов. Принятие в ноябре 2017 г. государственной программы вооружений на 2017–2027 гг. стоимостью 19 трлн руб. (250 млрд евро), сопоставимой по сумме с периодом 2012–2020 гг., сопровождалось требованием сокращения стоимости единицы продукции без снижения качества [Brunat, Fontanel, 2018, p. 323].

Главой российского государства, как пишут французские ученые, была поставлена триединая задача: 1) модернизировать линии по производству вооружений, увеличить их серийное производство, в приоритетном порядке добиться «импортозамещения»; 2) совершенствовать технологии производства и создавать новые системы вооружений; 3) модернизировать ядерные силы, приобретать системы ПВО, высокоточное и дальнобойное оружие, разрабатывать системы вооружений нового поколения [Brunat, Fontanel, 2018, p. 324].

Э. Брюна и Ж. Фонтанель приводят мнение президента В. Путина, который «никогда не считал военные усилия причиной экономического кризиса». Напротив, по его убеждению, как полагают авторы, «военные технологии являются локомотивами развития» (предположительно имеются в виду предприятия ОПК, занятые в высокотехнологичной сфере, призванные обеспечить «инновационный прорыв» и модернизацию экономики. – *M. K.*)¹; производство вооружений конкурентоспособно на мировых рынках; престиж России на международных переговорах зависит и от ее военной силы. Таким образом, оборонная отрасль играет приоритетную роль в поддержании позиций России в мире [Brunat, Fontanel, 2018, p. 319, 320]. С. Бре пишет о динамичном развитии российского экспорта вооружений: в 2015 г. по этой статье РФ занимала 2-е место после США² [Bret, 2019, p. 4].

Многие иностранные наблюдатели, как, впрочем, и российские политики, по мнению С. Бре, мало обращали внимания на экономику, зачастую подходя к России «под политическим, военным, идеологическим или стратегическим углом зрения», как если бы «экономика шла позади политики и стратегии». Между тем, подчеркивает он, именно экономика представляет собой ключевой показатель оценки мощи России, является «основополагающим элементом» (*élément constitutif*) российской «жесткой силы». Те, кто говорит о новой холодной войне или «возрождении российского империализма», зачастую «переоценивают экономическую силу России», которая намного отличается от финансовой и экономической основы, которая поддерживала военную мощь СССР. С ВВП, сравнимым по размерам с ВВП Италии или Испании, Россия в составе БРИКС (куда входят страны с более крупными экономиками) не может на равных с США претендовать на статус сверхдержавы, как СССР. Однако он признает: «это не означает, что страна безобидная или с ней можно не считаться» [Bret, 2019, p. 2].

¹ На наш взгляд, это верно в случае, если военные технологии, в особенности двойного назначения, оперативно пополняют портфель заказов в гражданской сфере.

² В 2020 г. Китай потеснил Россию, выйдя на второе место после США в мире.

Перспективы

С. Бре в статье с броским заголовком «Сможет ли Путин IV стать великим реформатором российской экономики?», опубликованной на французском геополитическом сайте Diploweb.com, приводит авторскую классификацию четырех периодов правления российского президента. Первый период (1999–2004) – это восстановление влияния государства; второй (2004–2008) – процветание (*prosperité*). Третий, охватывающий десятилетие 2008–2018 гг. (пребывание на посту премьер-министра и президента), – модернизации ВС. Суть четвертого периода (2018–2024 гг. и, возможно, последующие годы) раскрывается в заголовке статьи [Bret, 2019].

С. Бре обращается к экономическим основам «возрождения российской мощи». Он рассматривает состояние экономики в тесной взаимосвязи с внутриполитическими процессами в России, считая ошибкой бытующее на Западе предположение, что восстановления за десятилетия правления В. Путина международного престижа страны («национальной гордости») достаточно для российских избирателей, налогоплательщиков, пенсионеров. Ожидания населения в социально-экономической сфере эксперт считает очень важными [Bret C., 2019, p. 2]. Схожая оценка у Э. Брюна и Ж. Фонтанеля, утверждающих, что «экономические и социальные трудности России... могут привести к недовольству населения с непредсказуемыми последствиями» [Brunat, Fontanel, 2018, p. 316].

С. Бре пишет о негативных показателях роста экономики в долгосрочной перспективе, акцентируя внимание на индексе человеческого развития (ИЧР)¹. Согласно классификации ООН, Россия занимает промежуточные позиции и находится на 50-м месте по ИЧР с индексом 0,798, что ниже стран ОЭСР – и на уровне Венесуэлы, Турции, Ирана (для сравнения: Франция с показателем 0,888 занимает 22-е место). Исследователь не считает 2000-е годы временем «обогащения России». При определенном росте благосостояния российских граждан ресурсы в стране распределяются неравномерно. Также остаются нерешенными такие проблемы экономики, как диспропорции на рынке труда, отъезд из страны образованной молодежи [Bret, 2019, p. 5, 6].

¹ Синтетический показатель, основанный на продолжительности жизни, доходе на душу населения по паритету покупательной способности, уровне образования.

Как и Ж. Веркёй, С. Бре в качестве большого макроэкономического риска отмечает структурные проблемы российской экономики, а также отмеченную Всемирным банком «хрупкость роста», что связано, в частности, с недостатком квалифицированной рабочей силы и инвестиций, рентным характером экономики, основанной на экспорте сырья. В качестве большого макроэкономического риска С. Бре выделяет неопределенность, связанную с зависимостью платежного баланса и госбюджета от цен на нефть. Именно в этом он видит «структурную слабость российской социальной модели: зависимость от углеводородов не может сгладить вопиющие неравенства». С 1999 г. модель роста и развития «не претерпела фундаментальных изменений», а модель долгосрочного развития страны так и не была разработана [Bret C., 2019, р. 5, 7].

В самом деле, структура российского внешнеторгового оборота неизменна и стабильна: в 2018 г. в экспортре, по данным Центра Франции, по-прежнему преобладали сырьевые товары (энергоносители и металлы), а в импорте – оборудование и полуфабрикаты. 63,7% экспорта пришлось на углеводороды и нефтепродукты. Россия – основной поставщик ввозимых в Европу нефти и газа (соответственно, 30% и 39%) [Le commerce extérieur..., 2019, р. 1, 2].

Развитие России в предстоящие 20 лет зависит, полагает Ж. Веркёй, от ключевых «факторов бифуркации»: нефтяных цен, с одной стороны, и способности государства более эффективно использовать ренту – с другой. С комбинацией этих факторов он связывает возможные сценарии долгосрочного развития [Vercueil, Chamontin, 2019, р. 3–4].

Специалисты из страховой компании COFACE (Compagnie Française d'Assurance pour le Commerce Extérieur)¹ сопоставили сильные и слабые стороны российской экономики по состоянию на май 2020 г. (см. табл.).

Приведенный перечень «слабых» сторон экономики России не только длиннее ее «сильных» сторон, но и отражает весомые факторы – зависимость от цен на энергоносители, санкции (последнее особенно важно при зависимости РФ от западных технологий), слабость институтов и управления, неразвитость инфраструктуры. Между тем именно институты и инфраструктура служат ключевыми параметрами рассчитываемого по методике Всемирного экономического форума индекса глобальной конкурентоспособности.

¹ Основанная французским государством в 1946 г. для поддержки экспортёров, является мировым лидером в области кредитного страхования.

Таблица
Сильные и слабые стороны экономики России^{*}

№ пп	Сильные стороны	Слабые стороны
1	Обилие природных ресурсов (нефть, газ, металлы)	Зависимость от цен на углеводороды
2	Усилия по диверсификации	Сокращение населения
3	Плавающий курс рубля с ноября 2014 г.	Отсутствие торговых соглашений, кроме как с соседними странами
4	Размеры рынка и наличие квалифицированной рабочей силы	Зависимость от иностранных технологий
5	Макроэкономическая стабильность: прочное положение госфинансов и внешних счетов, обеспечивающее устойчивость по отношению к внешним рискам	Слаборазвитая инфраструктура, осложненная недостатком инвестиций
6	Санация банковского сектора (469 банков в мае 2019 г. против 900 в 2013 г.)	Чрезмерные социальные отчисления (30% зарплаты), что стимулирует уход бизнеса «в тень»
7	Цифровизация и способность к инновациям	Американские и европейские санкции, затрудняющие развитие офшоров и инновации
8	–	Слабость институтов и управления (режим несостоятельности, права собственности, коррупция)

^{*}Составлено по данным [Russie..., 2020].

Несмотря на удовлетворительные показатели России в докладах по ведению бизнеса (*Doing Business*) и глобальной конкурентоспособности (*Global Competitiveness*): 78/100 и 67/100 соответственно, – институциональные характеристики (коррупции, правоприменительной практике, защите интересов миноритариев, исполнению контрактов и проч.) оставляют желать лучшего, по оценкам COFACE. Эксперты из банка *Société générale*, со своей стороны, наряду с упомянутыми COFACE слабыми сторонами российской экономики выделяют низкую производительность, старение населения, неблагоприятный деловой климат, отсутствие структурных реформ [*Risque pays...*, 2020].

С 2018 г. в качестве целей предстоящего четвертого мандата В. Путина С. Бре выделяет сокращение зависимости от углеводородов, диверсификацию экономики; восстановление промышленности, защиту инвестиций, борьбу с бедностью и неравенством.

Отдавая должное заслугам В. Путина в деле восстановления власти государства внутри страны и военного престижа за рубежом, С. Бре задается вопросом, удастся ли вывести страну на путь развития экономики [Bret C., 2019]. Задачи осложняет пандемия COVID-19.

В условиях пандемии COVID-19

Некоторые аналитики, в частности из французского ежемесячного журнала по проблемам экономики и бизнеса *Le Capital*, сомневаются в способности в обстановке нефтяного кризиса и пандемии провести «глубокие экономические реформы» [Vladimir Poutine..., 2020]. Высказываются сомнения и в реализуемости к 2024 г. задачи наполовину сократить бедность в России и достичь 4% годового прироста ВВП – амбициозной цели, особенно на фоне прогнозов Всемирного банка роста в 1,6–1,8% на 2020–2021 гг. [*Le montant faramineux..., 2020*] и фактического 1,3% в 2019 г. В 2020 г. падение ВВП может составить 5% [Belhaj, 2020]. Реальные цифры являются «холодным душем» для властей, пишет французский журналист Б. Кенель [Quénelle, 2020 b].

По не менее образному выражению, россиянам еще долго придется «есть свой черный хлеб», поскольку последствия пандемии будут «болезненными», а перспективы роста «катастрофичными». При возможном «сжатии» российской экономики в 2020 г. на 6% докризисный уровень может быть восстановлен лишь к середине 2022 г. [Barluet, 2020; Bohineust, 2020]. При этом еще до пандемии, в 2019 г., доля РФ в мировом ВВП уже снизилась до уровня конца 1990-х годов [Hood, 2019].

Ж.-Л. Трюэль из университета Paris-Est Créteil, специалист по экономической политике и развитию международного бизнеса, в статье «Россия между COVID-19 и экономическим кризисом» пишет об иной, по сравнению с Западной Европой и США, последовательности и взаимосвязи между санитарным и экономическим кризисом в России, что порождает специфику приоритетов и, возможно, разные последствия [Truel, 2020].

Связанный с COVID-19 кризис проявился в России сначала на макроэкономическом уровне, вследствие падения нефтяных цен из-за снижения мирового спроса и разногласий между РФ и ОПЕК по поводу сокращения добычи 6 марта 2020 г. Ж.-Л. Трюэль определяет влияние COVID-19 на экономику как косвенное: падение спроса на нефть в мире началось с Китая в январе и усилилось в феврале-марте 2020 г. [Truel, 2020].

Приостановка работы значительной части предприятий отраслей – потребителей нефти (транспорта, промышленности) и включение спекулятивных механизмов закрутили «спираль снижения цен». Во втором полугодии 2019 г. баррель нефти Brent стоил 55–65 долл., в конце марта 2020 г. цена упала до 20 долл. В апреле она достигла минимума в 17 долл., но в середине мая 2020 г. поднялась до 35 долл. Зависимость госбюджета от нефтяных цен приводит к тому, что их снижение на 50% создает дефицит в 5–7% ВВП [Truel, 2020].

Ж.-Л. Трюэль отмечает, однако, что экономика России в определенной мере стала менее уязвимой по сравнению с 2014 г. Ученый подкрепляет этот вывод рядом аргументов: экономика стала «несколько более диверсифицированной» вследствие проведения политики импортозамещения; внешняя задолженность из-за санкций невелика, также сложно осуществлять новые займы на внешних рынках; государство нарастило валютные резервы за счет Фонда национального благосостояния (ФНБ) (11,4% ВВП РФ на 01.08.2020¹). Средства ФНБ задействованы не полностью, поскольку правительство бережет их на случай ужесточения кризиса [Truel, 2020].

Собственно санитарный кризис проявился в России с временным лагом: 63 случая 15 марта 2020 г. против 24 тыс. в Италии. Затем темпы прироста заболевших стали нарастать, но заявленное число умерших намного меньше, чем в США и основных странах ЕС: втрое меньше, чем в ФРГ, вдвое меньше, чем во Франции в абсолютных цифрах. Правда, автор связывает это с неясностью и разным толкованием того, что означает «умер от COVID-19» [Truel, 2020].

Прямое влияние кризиса сразу ощущало население: были закрыты многие предприятия, особенно торговые. Санитарный кризис спровоцировал в России второй (после нефтяного) «экономический шок», особенно чувствительный для малых и средних предприятий (МСП) и занятых на них². В России и в прошлом

¹ Объем Фонда национального благосостояния // Минфин России. Официальный сайт. – 2020. – 11.09. – Режим доступа: https://m.minfin.gov.ru/tu/document/?id_38=27068-obem_fonda_natsionalnogo_blagosostoyaniya (дата обращения: 14.09.2020).

² 3,5 млн банкротств и 8 млн дополнительных безработных вследствие установления так называемого режима самоизоляции. – См. подробнее: [En Russie..., 2020].

никогда не было эффективной поддержки МСП государством, но именно они, считает Трюэль, наименее пострадали от режима самоизоляции. Меры господдержки коснулись в основном крупных предприятий и стратегических отраслей – нефтяной отрасли, авиа-, автомобилестроения (в форме гарантий ссуд, кредитов). В остальном помочь государства оказалась слабой. В апреле оно компенсировало простой в работе в размере 12 тыс. руб. (150 евро) на работника. При этом свыше половины домашних хозяйств в России не имеют сбережений. В результате коронакризиса и самоизоляции 7–8 млн человек остались без работы или заняты частично [Truel, 2020].

Двойной экономический и санитарный кризис, по мнению Ж.-Л. Трюэля, имеет ряд последствий. Для общества это связано не столько с пандемией как таковой, сколько с тем, как на кризис отреагировало государство, и с обеднением части населения. Влияние кризиса COVID-19 усугубилось ранее проведенной непопулярной пенсионной реформой, что может создать кумулятивный эффект недовольства населения состоянием экономики. Все это в совокупности может привести к «разрушению и без того хрупкой экономической и социальной ткани» [Truel, 2020]. Эксперты из Société générale все же полагают, что, несмотря на пандемию COVID-19, норма безработицы в РФ в предстоящие годы останется стабильной: 4,9% в 2020 и 4,8% в 2021 г. [Risque pays..., 2020].

В свою очередь эксперты МВФ прогнозируют падение ВВП России в 2020 г. с середины апреля 2020 г. до −5,5% из-за COVID-19 и возможный прирост ВВП в +3,5% в 2021 г. при условии восстановления мировой экономики после пандемии [Risque pays..., 2020].

Эксперты COFACE полагают, что росту экономики могут содействовать инвестиции в рамках реализации намеченных в 2018 г. 13 национальных проектов (величиной в 21% ВВП). Направленные на дорожное строительство, образование, здравоохранение, они должны увеличить потенциал роста экономики и снизить уровень бедности (по приводимым данным, за чертой бедности живет 14% населения). Французские эксперты, однако, не ожидают слишком большого эффекта от реализации нацпроектов, поскольку те являются продолжением ранее начатых, а «эффект мультиплексора от государственных расходов слабый». Несмотря на принимаемые меры по поощрению диверсификации экономики, частные инвестиции остаются вялыми, поскольку сталкиваются с санкциями, включающими ограничения доступа к международному

финансированию, в то время как российские кредиты остаются дорогими. Экспорт нефти ограничен сделкой ОПЕК+, а другой сырьевой экспорт (руд, леса, основной и промежуточной промышленной продукции, транспортного оборудования) – снижением спроса на мировых рынках. В то же время импорт, предполагают в COFACE, будет расти быстрее вместе с внутренним спросом, даже при стимулировании импортозамещения. В целом, несмотря на усилия, прилагаемые после введения санкций, замещение импорта продукцией отечественных производителей имеет свои пределы, за исключением, пожалуй, пищевой промышленности [Risque pays..., 2020].

В 2020 г. российские экономические показатели «перешли в красную зону», пишет Б. Кенель, но, в отличие от Европы, план восстановления экономики после пандемии и падения нефтяных цен пока не разработан. Неутешительные цифры по экономике рискуют обернуться «опасными социальными последствиями». По требованию президента правительство объявило программу стабилизации в 5 млрд руб. (примерно 65 млн евро), но подробности ее реализации не раскрыты. Государство не желает расходовать свои резервы, однако «экономические и социальные реалии, – предупреждает Б. Кенель, – могут быстро заставить его изменить мнение» [Quénelle, 2020 a].

Заключение

В отличие от большинства европейских стран, где влияние государства усиливается в отраслях, испытывающих трудности прежде всего в периоды кризисов, в России государство на протяжении 2000-х годов укрепляло свои позиции в благополучных высокорентабельных рентных отраслях. В 2020 г. с началом коронакризиса центральные власти уступили ряд полномочий в экономической сфере регионам. Парадокс «сильного государства» в России состоит в том, что с началом пандемии проявился недостаток поддержки экономики государством, его участия в преодолении последствий коронакризиса для населения и хозяйственных акторов, наиболее пострадавших от так называемого режима самоизоляции. Это особенно наглядно просматривается в сравнении с развитыми странами Европы.

Вместе с тем, как подчеркивает российский глава государства, «стабильность, безопасность, благополучие и достойную

жизнь людей мы можем обеспечить только через развитие¹. При условии «борьбы с коррупцией, терроризмом, организованной преступностью, финансовыми спекуляциями, снижением производства сырья, неравенством доходов и заботой об окружающей среде Россия останется мощной державой», способной противостоять современным вызовам [Brunat, Fontanel, 2018, p. 319]. Четвертый мандат В. Путина призван обеспечить подъем российской экономики.

Список литературы

1. Barluet A. L'économie russe durablement à la peine // Le Figaro. – Paris, 2020. – 19.05. – Mode of access: <https://www.lefigaro.fr/conjoncture/l-economie-russe-durablement-a-la-peine-20200519> (дата обращения: 18.08.2020).
2. Belhaj M. Poutine: L'économie russe est sous forte pression en raison du Covid-19 // AA (Analysis and Applications). – Singapore, 2020. – 14.04. – Mode of access: <https://www.aa.com.tr/fr/%C3%A9conomie/poutine-l%C3%A9conomie-russe-est-sous-forte-pression-en-raison-du-covid-19-/1804759> (дата обращения: 18.08.2020).
3. Bohineust A. Coronavirus: l'économie russe se contractera jusqu'à 6% // Le Figaro. – Paris, 2020. – 24.04. – Mode of access: <https://www.lefigaro.fr/conjoncture/coronavirus-l-economie-russe-se-contractera-jusqu-a-6-20200424> (дата обращения: 18.08.2020).
4. Bret C. Poutine IV peut-il devenir le grand réformateur de l'économie russe? / Diploweb.com: la revue géopolitique. – Paris (Vincennes), 2019. – 9 p. – Mode of access: <https://www.diploweb.com/Poutine-IV-peut-il-devenir-le-grand-reformateur-de-l-economie-russe.html> (дата обращения: 18.08.2020).
5. Brunat E. L'économie russe: modernisation, crise et géo-économie // Annuaire français des relations internationales (AFRI). – Paris, 2010. – Vol. XI. – P. 157–184.
6. Brunat E., Fontanel J. Une nouvelle course aux armements // Annuaire français des relations internationales (AFRI). – Paris, 2018. – Vol. XIX. – P. 313–324.
7. En Russie, petites et moyennes entreprises ferment à tour de bras // Courrier international. – Paris, 2020. – 08.04. – Mode of access: <https://www.courrierinternational.com/article/economie-en-russie-petites-et-moyennes-entreprises-ferment-tour-de-bras> (дата обращения: 18.08.2020).
8. Godement F., Vasselier A. La Chine à nos portes. Une stratégie pour l'Europe. – Paris: Odile Jacob, 2018. – 240 p.
9. Hood L. Économie russe: quand un poids lourd du régime tire la sonnette d'alarme // The Conversation. – 2019. – 30.10. – Mode of access: <https://theconversation.com/>

¹ Путин В.В. Обращение к гражданам России // Президент России. Официальный сайт. – 2020. – 30.06. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/63584> (дата обращения: 28.08.2020).

- economie-russe-quand-un-poids-lourd-du-regime-tire-la-sonnette-dalarme-125770 (дата обращения: 18.08.2020).
10. Le commerce extérieur de la Russie en 2018 // Ministère de l'économie des finances et de la reance. – 2019. – 4 p. – Mode of access: <https://www.tresor.economie.gouv.fr/PagesInternationales/Pages/b7557377-bbbb-4456-ad59-da113fec7747/files/64ccdfc2-4413-458b-af92-8082e1ee1837> (дата обращения: 18.08.2020).
 11. Le montant faramineux des investissements que prévoit Poutine pour doper la Russie // Le Capital. – 2020. – 22.01. – Mode of access: <https://www.capital.fr/economie-politique/le-montant-faramineux-des-investissements-que-prevoit-poutine-pour-doper-la-russie-1360288> (дата обращения: 18.08.2020).
 12. Quénelle B. Russie: la croissance reste toujours aussi morose // Les Echos. – Paris, 2020 a. – 03.02. – Mode of access: <https://www.lesechos.fr/monde/europe/russie-la-croissance-reste-toujours-aussi-morose-1168602> (дата обращения: 18.08.2020).
 13. Quénelle B. Russie: Vladimir Poutine hésitant face à la crise économique // La Croix. – Paris, 2020 b. – 09.06. – Mode of access: <https://www.la-croix.com/Economie/Monde/Russie-Vladimir-Poutine-hesitant-face-crise-economique-2020-06-09-1201098280> (дата обращения: 18.08.2020).
 14. Risque pays de la Russie: économie // Societe generale. Import export solutions. – Paris, 2020. – Mode of access: <https://import-export.societegenerale.fr/fr/fiche-pays/russie/risque-pays-economie> (дата обращения: 18.08.2020).
 15. Russie. Principaux indicateurs économiques / COFACE. – Paris, 2020. – Mode of access: <https://www.coface.com/fr/etudes-economiques-et-risque-pays/russie> (дата обращения: 18.08.2020).
 16. Truel J.-L. La Russie entre COVID-19 et crise économique // Fondation Jean Jaures. – Paris, 2020. – 27.05. – Mode of access: <https://jean-jaures.org/nos-productions/la-russie-entre-covid-19-et-crise-economique> (дата обращения: 18.08.2020).
 17. Vercueil J. Économie politique de la Russie. 1918–2018. – Paris: Seuil, 2019. – 356 p.
 18. Vercueil J. L'économie russe et les sanctions. Une évaluation des conséquences du conflit ukrainien. Report N 9 / Note de l'Observatoire franco-russe. – Paris-Moscou, 2014. – 24 p.
 19. Vercueil J. Russie: la «stratégie 2020» en question. Une analyse du substrat productif et financier de la politique industrielle // Revue d'études comparatives Est-Ouest. – Paris, 2013. – Vol. 44, N 1. – P. 169–194.
 20. Vercueil J., Chamontin L. La Russie: réalités et perspectives économiques // Diploweb.com: la revue géopolitique. – Paris (Vincennes), 2019. – 19.02. – 7 p. – Mode of access: <https://www.diploweb.com/La-Russie-realites-et-perspectives-economiques.html> (дата обращения: 18.08.2020).
 21. Vladimir Poutine menace-t-il l'économie de la Russie de stagnation? // Le Capital. – 2020. – 02.07. – Mode of access: <https://www.capital.fr/entreprises-marches/vladimir-poutine-menace-t-il-leconomie-de-la-russie-de-stagnation-1374311> (дата обращения: 18.08.2020).